

Полина Осипова

Переживи заново

Полина Осипова
Переживи заново

«Автор»

2025

Осипова П.

Переживи заново / П. Осипова — «Автор», 2025

Тридцатипятилетняя Виктория просыпается в зале старинного дворца. На столе перед камином она видит настольную игру, в фишках которой, представляющих собой живых людей, она узнает себя и родных, а в сюжете - события своей прошлой жизни. Появившийся Старец говорит, что это - игра, отражающая ее судьбу, которую девушка вольна изменить, пока не поздно. Он же переносит ее в миг за секунду до гибели в реальной жизни. Сможет ли Виктория сохранить единство близких людей и при этом повернуть свою судьбу по другому пути? Встретит ли она вновь человека, мимо которого прошла десять лет назад, но кого так и не смогла забыть? И что ее ждет впереди, если время, проведенное в параллельной реальности, вычитается из длины ее будущей жизни?

© Осипова П., 2025

© Автор, 2025

Полина Осипова Переживи заново

Одна из психологических практик заключается в том, чтобы перепрожить негативные события прошлого иным образом. Мысленно пройти этот путь непросто и я решила облечь данное путешествие в форму романа.

Вика вздрогнула и очнулась – теплый солнечный зайчик щекотно пробегал по ее щеке. Она открыла глаза и резко села, хотя, как выяснилось, спала она тоже сидя – откинувшись в глубоком старинном кресле шоколадного цвета, обтянутом тканью наподобие бархата. Девушка быстро встала и огляделась, сердце то быстро стучало, то трепетало, замирая от непонимания и испуга. Она находилась в незнакомой зале, для комнаты помещение было слишком просторным, создавалось ощущение, словно это гостиная старинного замка – мебель, расставленная у стен, из темно-коричневого дерева, была декорирована бронзой, на потолке висела огромная люстра, полуовальные витражные окна в обрамлении тяжелых темно-зеленых штор, подвязанных по краям толстыми витыми веревками с массивными кистями на краях, едва пропускали свет заходящего солнца, которое, словно прощаясь до утра, освещало комнату разноцветными лучами.

– Что это? – Прошептала девушка срывающимся голосом. – Я где? И как здесь оказалась? Ничего не помню... Я жива? – Она ущипнула себя за руку и вмиг почувствовала легкую боль. – Хм... Сплю что ли? Есть здесь кто-нибудь?

Но ответа не последовало. Она подошла к окну – за прозрачными стеклами, вкрапленными в узоры витража, можно было разглядеть прекрасный вид вечеряющего летнего луга, на котором вдали виднелись позолоченные солнцем кроны деревьев. Вика, покачав головой, отошла от окна и направилась исследовать комнату.

– Даже, если я выйду наружу, – вздохнув, проговорила она, – идти мне некуда, на этом красивом лугу я вряд ли кого-то встречу. Но что я здесь делаю и главное – зачем я тут?

На одной из стен она увидела огромное зеркало, обрамленное темным витым деревом, так же украшенным бронзой, и быстро направилась к нему. Из глубины комнаты на нее смотрела усталая тридцатипятилетняя девушка с немного разлохмаченными светлыми волосами длиной ниже плеч и темными синяками под большими карими глазами. На ее стройной фигурке было простое будничное зеленое платье до колен, в котором она обычно ходила на работу.

– Хоть и оказалась в замке, но в принцессу я не превратилась... – Вика впервые улыбнулась. Но, если отражаюсь, то наверное по крайней мере жива.

Она провела рукой по волосам, чтобы немного пригладить непослушные пряди (известно же, что ее ждет, хотя для встречи с прекрасным принцем она выглядит более чем неважно) и направилась вглубь комнаты. Напротив камина, над которым располагалась картина «Явление Христа народу» такой величины, что можно было предположить, что это подлинник, возвышался массивный круглый стол с витыми ножками и бежево-кофейного цвета скатертью из плотной ткани, напоминающей парчу, отороченной бахромой. Взглянув на картину, Вика перекрестилась: «Господи, помоги!» и шагнула к столу. На большой поверхности лежала карта из необычного материала, похожего на ткань, но с плотной бумажной фактурой, расчерченная длинными цветными линиями, разукрашенная множеством рисунков, в основном плоская, но местами рельефная, будто трехмерная.

– Похоже на настольную игру-бродилку. – Тихо произнесла Вика с улыбкой легкой ностальгии – в детстве она могла часами увлеченно просиживать над такими картонными играми с подружками, ведь берешь фишку – и будто проходишь вместе с ней все ее приключения.

С самого края листа лежали несколько карандашей и большой ластик.

– А игра-то не дорисована?! – Задумчиво спросила Вика неизвестно у кого и вновь пригляделась – у самого края стола располагались фишки... но нет... она наклонилась, чтобы разглядеть... как будто это были маленькие куклы... На большой словно игрушечной кухне напротив друг друга стояли два стола, за одним из них на высокой табуретке сидела крошечная девочка с огромными карими глазами и короткими светлыми кудряшками. К ней подошла худенькая бабушка в очках с короткими седыми волосами, присела рядом и, поставив напротив малышки тарелку с кашей, принялась кормить. Вика услышала тихий, но по-детски звонкий голос пожилой женщины:

– Кушай, милка. Смотри, как папа едет на машине? Во-от так... – И, проведя ложкой по краям тарелки, она отправила собранную кашу в раскрытый ротик девочки. – Сейчас мы весь снег расчистим, и папе будет легко проехать. – Теперь она провела ложкой через центр тарелки, прокладывая прямую дорогу.

Вика наклонилась еще ниже, разглядывая девочку и бабушку размером с шахматные фигуры... По спине пробежали мурашки, кончики пальцев похолодели:

– Бабушка Поля?! Я-а-а?! – Она не заметила, что закричала.

– Да, это ты и любимая прабабушка. – Раздался тихий насыщенный бас из-за спины. Вика вздрогнула, выпрямилась. Перед ней стоял высокий седовласый Старец с белой бородой в длинном серебристом одеянии, напоминающем одежду священников в храме. Вике почему-то стало спокойно и показалось, что он не причинит ей зла.

– Где я? Я жива? Что все это значит? – Она обернулась на карту. – Я помню всю свою прошлую жизнь, кроме предыдущего дня...

– Ты жива. А это – карта твоей судьбы. Ты же любишь настольные игры. Вот и сыграй еще раз, пройди заново игру собственной жизни, а где ошиблась, повернула не туда – сотри и нарисуй другой сюжет. Ты же хорошо рисуешь! – Старец слегка улыбнулся, его голубые глаза озарил внутренний свет, вмиг заигравший в многочисленных морщинках.

– А Вы кто? – Робко спросила Вика.

– Кто я и где ты находишься, я скажу потом. Приступим или ты голодна?

– Немного, если честно.

На раскрытой ладони Старца вмиг возникло небольшое блюдо с воздушным комком зеленого цвета и десертной серебряной ложечкой.

– Что это? – Поинтересовалась девушка.

– Нектар.

– Потрясающе вкусно!

– А это – роса с цветов. – Протянул он ей металлический кубок с выгравированными на нем райскими птицами.

Вика быстро утолила голод и жажду.

– Один, но наверное самый главный вопрос – кто тебе дорог в твоей жизни? Ведь, если ты будешь менять свою судьбу, то должна понимать – надо править ее очень аккуратно, чтобы оставить рядом самых дорогих людей.

– Мама, сын! – Быстро ответила Вика. – Был папа, его не стало в моем детстве. Еще я очень любила маминого мужа, он был мне как отец, но его тоже не стало весной... Вика отвернулась, пряча слезы.

– То есть надо сделать так, чтобы в итоговой версии твоей судьбы остались мама и сын.

– Да, обязательно!

- С отцами разберемся по ситуации.
- Что-о?! – Переспросила Вика. Но Старец словно не расслышал ее вопроса.
- А если меня вернуть в тот момент, из которого меня забрали сюда, и мне продолжить реальную жизнь?
- Не советую... – Вздохнул Старец.
- Почему?
- Ты задаешь слишком много вопросов.
- Но это моя жизнь!
- Ты здесь, чтобы я мог тебе помочь... – Грустно выдохнул он. – Хорошо, у нас ведь всего лишь игра, и если на каком-то этапе ты пожелаешь вернуться в начало и в свою реальность, которая есть на данный момент, то я помогу тебе. Только это не имеет никакого смысла. Поэтому ты тут – чтобы исправить все, пока не поздно.
- А Вам какой интерес от этого?
- Ты слишком любопытна. Я обо всем расскажу со временем. А теперь давай начнем. Вспоминай события в своей жизни, которые ты хотела бы изменить, ищи их на карте, стирай и изображай заново. Но до того, как перерисуешь, тебе нужно будет их прожить по-иному.
- Как это? – Недоверчиво спросила Вика.
- Сейчас увидишь. Вспоминай неприятное событие, начиная с раннего детства.
- Вот там же... – Вика указала на карту, там, где бабушка кормит меня кашей, в просторной коммуналке на Проспекте Мира, где два красных дома стоят напротив друг друга, образуя уютный двор, – Вика улыбнулась, просветлев лицом, – я дружила с соседской девочкой, Олей. Я старше на два года, и общаться мы стали совсем маленькими, наверное, когда ее только начали выводить во двор гулять. Она неплохая девчонка, но всегда поступала, как хотела. Однажды зимой она гуляла с папой, а я одна. Мне было четыре или пять, ей – соответственно меньше. Мы полезли на горку, она, а я следом. И вдруг она поворачивается с верхней площадки горки и со всего размаха бьет мне сапогом по лицу. Боль была невероятная! Я слышала, как Олин папа ругал дочь, но это было неважно – я опрометью бросилась в свой подъезд и там разрыдалась, глядя на висящее на стене устройство с кодом. Будучи ребенком, я старалась скрывать слезы и эмоции – негоже хорошей девочке, которой меня растили, как и многих в те времена, показывать свои чувства. Это уже став взрослой, я научилась разрешать себе в моменте быть собой. Так вот, я плакала и всей душой мечтала, чтобы у меня были слуги, которые прилетят и защитят меня. Не знаю, почему так, может в сказке какой вычитала – я к тому возрасту уже много читала...
- Я знаю. – Вырвалось у Старца.
- Вы многое про меня знаете. Кто же Вы?!
- Продолжай.
- И, вспоминая потом этот момент, я думала, почему взрослые не сказали мне, закованной в навязанные ими цепи «хорошести», что давать сдачи можно, а защищаться нужно... Не понимаю...
- Ищем горку?
- Да. – Улыбнулась Вика.
- Пусть все идет своим чередом, просто наблюдай. Мы не можем прыгать по карте, жизнь ведь идет вперед.
- Не согласна! – Парировала Вика, хитро усмехнувшись, в играх-бродилках иногда откидывает на несколько шагов назад.
- Тем не менее – фишки двигаются от старта к финишу, проходя все препятствия на своем пути.
- Хорошо.
- Приступим.

Он подвинул высокие резные стулья, Вика присела, не отрывая взгляда от карты, Старец опустился на стул рядом и они склонились над столом.

– Смотри, вот так, движением пальцами вширь можно увеличить масштаб, приблизить изображение, а сближая пальцы – уменьшить и отдалить. Как в мобильном телефоне и любых сенсорных гаджетах.

– Обстановка этой старинной комнаты совершенно не вяжется с современными технологиями.

– Ты тридцатипятилетняя тоже не должна быть в одной зале с тобой-малышкой. Просто доверься тому, что есть здесь и сейчас и смотри на карту – ведь удивительно интересно видеть свою собственную жизнь со стороны, когда ты – всего лишь фигурка на карте и ты же – главный игрок.

Вика посмотрела на него серьезно и вопросительно, но было видно невооруженным глазом, что седовласый мужчина не желает ей зла. И как-то само собой Вика проникалась к нему доверием.

А на карте происходили разные события – Вике около четырех лет, вот приехала мама, такая молодая, совсем девочка, потом отец... Мама осталась дома, а они с папой пошли гулять. Во дворе играл мальчик Левка – рыжий, кудрявый, с веселыми конопушками, Вика была влюблена в него, но они даже не были знакомы, зато дружили с двоюродным братом Левки – Сашей, тому Вика как раз была очень симпатична. Однажды Саша сказал, что его брат упал с огромной березы, растущей во дворе, и сломал позвоночник. Вика написала письмо крупными печатными буквами и отдала прабабушке, чтобы она бросила Левке в ящик. Потом уже взрослая Вика с удивлением обнаружила это письмо в документах – его заботливо сохранил отец... А сейчас маленькая кудрявая девочка возвращается с прогулки по заснеженной улице, держа за руку своего высокого, кажущегося огромным, папу, тот видит у подъезда рыжего, конопатого паренька и смеется: «Этот что ли твой Левка-бандюга?». Мальчик вскидывает на незнакомого дяденьку удивленный взгляд зеленых глаз.

– Папа... – Я бы сейчас прошлась с ним так же, за руку... – С чувством и даже некоторой завистью к девочке на карте произнесла Вика.

– Здесь мы ничего менять не будем, значит это излишне. Но у тебя будет такая возможность.

– Правда?! – Воскликнула Вика, радостно блеснув глазами.

– Ищи горку. – Кажется, старцу по какой-то причине нельзя было раздражаться. Но видимо иногда хотелось и он сдерживался изо всех сил.

Карта сменила белый цвет на коричневый, потом на зеленый – наступило лето. Вот Вика с прабабушкой едут на трамвае в парк, вот девочка, смеясь, кружится на аттракционах, крепко ухватив лошадку за шею, потом они споласкивают руки в пруду и идут в кафе «Василек».

– А ты говоришь, плохое у тебя детство было... У многих – гораздо хуже.

Вика вскинула на старца вмиг погрузневший взгляд;

– Это пока... Стоп, откуда Вы знаете, что я так говорю?

Старец улыбнулся и пожал плечами. Вика лишь покачала головой – было ясно, что сейчас четкого ответа на свои вопросы она не дожидается.

Родители купили домик в деревне и вот они едут в дальние дали на оранжевой «трешке» и хорошенькая кудрявая девочка показывает язык в заднее стекло всем машинам, кого они обогнали. Зачем? Она не знает. Самое удивительное – мама с папой не ругают ее за это. А в деревне раздолье – просторы и поля до горизонтов во все стороны, по центральной улице пастух гоняет стадо коров, в небольшом пруду у колодца плавают белые гуси, похожие на статуэтки, рядом пасутся кудрявые овечки.

– Пруд этот высох давно... – С грустью прокомментировала Вика. – Вот здесь, – она показала на центральную улицу, – бурьян выше головы. Коров давно нет ни в нашей деревне, ни в соседних...

Старец, конечно же, это знал, но понимающе кивал. Он призвал эту девушку пройти судьбу заново и не мешал ей это делать.

– Родители, наконец, получили отдельную квартиру и съехали из комнатушки, где ютились. Теперь они забрали меня к себе. – Вика указала на ставший местами желтым, а где-то багряным от осенней листвы кусок карты. Меня отдали в детский сад. Но я много болела, папа работал дома, мама работала, печатала, готовила, убиралась, шила... В общем, отдали меня обратно – прабабушка ведь на пенсии да и бабушка тоже. Соседка по коммуналке... лет до шести я была уверена, что она – моя третья бабушка... печет грибы и орехи и обязательно угостит меня. А я таскаю ей тянучки из бабушкиного шкафа... – Вика улыбалась с просветленной улыбкой. У нее в комнате паркет, по которому можно кататься, как по льду – такой он блестящий и скользкий. Еще в серванте фарфоровая девочка в платье – ее тронешь, а она качается. И башня под стеклянным куполом, потрясешь – и идет снег – блестящие снежинки летят на фоне темно-синего неба. А на новогодней елке у соседки кусочки пенопласта в форме снежных комочков – белые и голубые... Вот и елка... Зима.

События перед их глазами шли своим чередом, словно и не в ускоренном темпе, но все равно казались стремительными – Вика будто смотрела подробный спектакль о своей жизни, разворачивающийся на карте, где главная роль отведена была ей самой.

– Горка! – Воскликнула она.

– Замечательно. Смотри, ты можешь стереть часть событий заранее, но тогда ты будешь обязана создать новую реальность, а потом заново нарисовать ее, а можешь отправиться в существующий момент и подумать, хочешь ли ты его менять...

– А я могу не захотеть?! – Рассмеялась Вика.

– Вполне. И по разным причинам. Не все так однозначно, как тебе кажется. В любом случае, чтобы сохранить изменения, тебе нужно сказать: «Выход есть. Назад» и ты окажешься здесь. Если хочешь, чтобы новые события стали частью твоей жизни, нужно стереть старые и нарисовать новые со словами «Это моя судьба».

– Боюсь, я не настолько хорошо рисую.

– Достаточно того, что ты начертишь «палку, палку, огуречик» в новой событийной линии.

– Хорошо, попробую. Сейчас мне что нужно делать?

– Ставь указательный палец на горку и говори: «Иду менять судьбу».

– Безо всяких «тибидохов»? Все так просто? – Вика заметно развеселилась.

– Тебе так идет, когда ты смеешься... – Покачал головой старец. – Ты так давно этого не делала...

– Что?

– Отправляйся. С Богом!

Вика прижала палец к заветной горке и вот через миг она – маленькая, немного неуклюжая, в коричневой шубке из искусственного меха и валенках залезает наверх, скатывается, маленькая Оля съезжает за ней следом, громко хохоча, ее черные тугие кудряшки выбились из-под белой шапочки, ярко-розовые щеки пылают на морозе, темно-карие глаза горят весельем и озорством. Они скатываются еще раз. Теперь Оля первая залезает на горку, оборачивается и... у Вики сыплются искры из глаз, она пытается открыть и закрыть рот, из разбитой губы сочится струйка крови. Вике хочется убежать в подъезд, разрыдаться, позвать слуг, чтобы они отомстили, ей ведь нельзя плакать при людях – хорошие девочки не плачут. Но слезы сами стекают по лицу, капая на шубку, теряясь в ее плюшевом ворсе, и Вика чувствует, что не стала хуже оттого, что проявила эмоции. Папа кричит на Олю, что нельзя так делать, но, кажется, ту

не очень впечатляет ругань отца, и, уже скатившись, она с хитроватым видом вновь лезет на горку. Но теперь наверху Вика – она не спустилась, не побежала рыдать в подъезд, а стояла и ждала. И вот Олино личико с выражением детской ехидцы рядом, Юля размахивается ногой, что есть силы, видит ужас в глазах маленькой соседки и... «Выход есть. Назад.»

– Уф... – В платье все-таки приятнее, чем в этой дубовой шубе...

– Почему ты ее не ударила, ты же так хотела?

– Я поняла, что мой удар и ее удар несоизмеримы. Побоялась сбросить ее с горки. Отец стоял в нескольких шагах и не успел бы. Просто жалко стало... Еще убила бы ненароком, а мы ведь потом дружили все детство и почти не ссорились. Не знаю... Не захотела и все. Но я поняла – если позволяешь себе быть собой, в частности в такой мелочи, как не прятать слезы, не терпеть, рыдая где-то в уголке, а выбирать самой, как поступать, это меняет твой взгляд на ситуацию, выбор становится твоим решением, не продиктованным навязанным родней желанием быть для всех хорошим, а идущим из сердца голосом твоей воли.

– Хм, довольно серьезные последствия столь незначительного на первый взгляд события, как катание с горки. Боюсь, как бы твой поступок не отразился на будущем. – Старец передвинул карту подтянув ее центр ближе к себе.

– Они не упадут? – Вика машинально подставила руки, готовясь ловить фигурки.

– Нет, они крепко держатся. – Рассмеялся тот.

– Куда Вы смотрите?

– Сюда и сюда. – Указал он две точки на карте. В одной из них в красивом зале худенький темноволосый парнишка и рыжая девушка с короткой стрижкой надевали друг другу кольца на пальцы, в другой – в белой палате врач взяла на руки младенца, шлепнула его и, услышав звонкий крик, отдала его матери. – Вот это – данность, которая меняться не должна. После твоего участия в текущих событиях, вмешательства в них будущее может измениться. Мы должны очень строго следить за этими двумя точками. Сейчас перемены незначительные и они не окажут серьезного влияния на будущее. Но если что-то изменится, перерисовывать нельзя. Хотя окончательный выбор за тобой. Возможно новая жизнь тебе понравится больше... А пока можешь изобразить горку.

– Честно говоря, не хочу. Перемены произошли в моей душе, а не в действиях, поэтому не вижу смысла. Только зря лишний раз по физиономии получила...

– Лентяйка!

– Ну, а зачем?

– Но имей в виду, что и перемены в душе могут повлиять на твой характер, а он, в свою очередь, – на будущее... Продолжаем. Следующее событие?

– Однажды я в деревне гуляла с мальчишками, своим лучшим другом детства Костиком и его братом Кириллом, по краю поля. На горизонте собирались грозовые тучи... Неожиданно я предложила им добежать до речки – это метров 700 наверное. Они согласились при условии, что я дождусь их возвращения, и побежали.

– А ты ушла.

– Да, сама не знаю, почему. По пути домой наступила в глубокую лужу и промочила кед насквозь. И словно почувствовала, что так мне и надо. Мальчишки тогда немного пообижались да и простили. А вот мне стыдно до сих пор.

– Если хочешь, можешь отправиться туда, но это никак не повлияет на твою дальнейшую судьбу. Если только хочешь увидеться с Костиком...

Вика вздохнула и заговорила с просветленным выражением лица:

– Это была даже не детская дружба, а какая-то безусловная привязанность. Мы не могли долго не общаться, а если и ссорились, он быстро приходил мириться. Я, слишком высокая для своего возраста девочка, и он, светловолосый мальчишка на полтора года младше и на голову ниже, с серыми глазами, разрезом, как у лани, мы всегда были вместе. Общие друзья в деревне

до сих пор говорят, что, если бы его родители не развелись и его не перестали привозить на лето, мы бы поженились и никогда не расстались... – Вика вздохнула.

– Тебе хочется побережить душу? Мы не сможем изменить его судьбу и сделать так, чтобы его семья осталась полной, потому что это – жизни его и родителей. А на карте – только твоя. Если только ради времени, проведенного вместе, или для избавлений от угрызений совести, то можешь, конечно, встретиться с ним. Но имей в виду – минуты, проведенные там, – Старец указал на карту, вычитаются из твоей будущей реальной жизни.

– Как это? – Не поняла Вика.

– Ну, тебе дано определенное количество лет на этой Земле, предположим 80, ты проживаешь год в измененной реальности и тебе остается 79. То же самое с днями.

– А зачем мне год жить в другой реальности? – Удивилась Вика. – Если все можно исправить за один день.

– Не торопи события, увидишь. Идешь на поле к своим друзьям?

– Не буду разбрасывать минуты будущей жизни, они мне еще понадобятся. К тому же... я скучала и я нашла его потом, уже в свои лет двадцать, позвонила. Он только пришел из армии, хотел встретиться, а потом узнал, что у меня ребенок, и не стал... – Вика невесело улыбнулась.

– Тогда продолжаем путь.

На карте вновь замелькали деревенские пейзажи.

– Вот-вот! – Неожиданно быстро воскликнула Вика так звонко, что Старец вздрогнул.

– Что такое?

На высоких насыпях земли, громоздящихся по краям небольшой квадратной ямы, стояли четыре девочки: довольно взрослая, темноволосая, стриженная под «карэ» с умным лицом и пронизательным взглядом глаз темно-вишневого цвета; полноватая, круглолицая, с веснушками на носу, длинной толстой косой рыжеватых волос и седой прядью надо лбом; красивая светловолосая девочка мальчукового вида – если бы не женская нежность, смягчающая черты лица, и длинные локоны, по клетчатой рубашке и широким джинсам можно было бы предположить, что это парнишка, и самая младшая – с темными кудряшками, выбивающимися из-под голубой сетчатой панамки. «Торжественно клянусь никогда не дружить с этими мальчишками!» – произнесла упитанная грудным голосом. – «Повторяйте!». Девочки по очереди произнесли эту фразу.

Вика покачала головой. – Я была самая младшая, даже маленькая и, конечно, меня постоянно обижали. Я дружила с Костиком, а Костик общался с мальчишками с другого края деревни. И мы все вместе играли в «казаки-разбойники», но не в обычные – наша игра продолжалась годами. Нас было две команды: мальчики и девочки. Мы шили флаги и рисовали карты, делали мелкие пакости, например девчонки таскали рыбу из верш мальчишек, стоявших на пруду, а мальчишки бросали в девочек репейником... Когда я сильно ссорилась с девочками, мой лучший друг перетаскивал меня в свой лагерь, а когда он редко обижался на парнишек, то я приводила его к подругам. А вот здесь, – она указала на карту, я поклялась никогда не дружить с мальчишками. Смотрите! – Вика еще сильнее наклонилась к карте – там по дороге, накатанной среди высокой травы, шла девочка в синей панамке и размазывала слезы по щекам. Навстречу ей ехал невысокий светловолосый мальчик на таком огромном велосипеде, что было удивительно, как парнишка справляется со своим «стальным конем».

– Дорогая Гюльджан, я тебя везде ищу! А что случилось? – Раздался его звонкий голос.

– Девчонки опять обидели. Ленка...

– Ну, ты же знаешь, какая она вредная.

«Дорогая Гюльджан...» – рассмеялся Старец. Вика перевела на него свой сияющий взгляд;

– Выяснилось, что мы одновременно читаем книгу «Ходжа Насреддин» Леонида Соловьева. Потом, уже во взрослом возрасте, я с удивлением узнала, что он писал это прекрасное,

изумительно мудрое и в то же время легкое и веселое произведение в тюрьме. Это непостижимо! А тогда, читая об одном и том же и сверяя, кто до какой главы дошел, мы примерили роли героев на себя и стали Костик – Ходжой Насреддином, а я – его возлюбленной, прекрасной Гюльджан.

Тем временем дети на карте уже ехали по пыльной дороге на велосипедах. Внезапно мальчик остановился:

– Дорогая Гюльджан, помоги, пожалуйста! Штанина снова попала в цепь... – Брюки, видимо, тоже были куплены «на вырост», как и велосипед, вот только Костик никак до них не дорастал.

Девочка подбежала, присела на корточки, аккуратно вытаскивая ткань из велосипедной цепи.

– Давай до ребят доедем? – Предложил мальчик.

– Я не могу. – Подняла голову та.

– Почему?

– Я поклялась не дружить с мальчишками.

– А я – кто? – Рассмеялся Костик.

– Я думала – ты не считаешься... – Растерянно произнесла та.

– Спасибо, конечно...

– Ну, я думала, что с теми. – Девочка кивнула головой в направлении домов других парнейков.

– Все равно девчонки тебя обидели, сами виноваты! – Горячо произнес Костик.

– Наверное, ты прав.

Девочка села на багажник велосипеда и они поехали в направлении домов других мальчиков, которые, несмотря на игровую вражду, относились к Вике гораздо лучше, чем старшие девочки.

– Вот так я нарушила клятву... – Вдохнула Вика с очень серьезным видом.

На карте на краях ямы вновь стояли четыре девочки.

– Это наша землянка... – Прошептала Вика склонившемуся рядом с ней Старцу, – наш штаб, наш второй дом, место сборов и переговоров, мы рыли ее постоянно.

Девочка с косой и седой прядью громогласно кричала:

– Предательница, клятвопреступница!

А маленькая девчушка с кудряшками все сильнее вжимала голову в плечи, вздрагивая от этих слов, как от ударов...

– Я нарушила клятву и с тех пор больше никогда не клялась. Моим максимумом всегда было честное слово. – Тихо прокомментировала Вика.

– Ты хочешь изменить этот момент и не клясться? – Спросил Старец.

– Наверное было бы хорошо...

– А не думаешь ли ты, что в таком случае можешь нарушить другую клятву позже и более серьезную и что это отразится на твоей жизни?

Вика смотрела на него задумчиво:

– Вы абсолютно правы. Идем дальше.

Вдруг она широко заулыбалась – на карте двое мужчин строили дом, а девочка активно участвовала в процессе – подавала нужные инструменты, держала доски, когда их отпиливали или обрабатывали рубанком.

– Папа с дедушкой строят террасу и отдельный домик для папы в саду. – Прошептала девчушка с нежностью. – А я им помогаю. Папа научил меня, для чего какой инструмент используется, подробно объяснял мне все в процессе строительства. Это было чудесно – воздвигать из ничего такую красоту...

Даже здесь, в старинной комнате неведомого замка, словно чувствовался запах стружки. Или Вике это только показалось?

Неожиданно поодаль на карте что-то полыхнуло ярким огнем. Вика вздрогнула и закричала:

– Мне нужно туда! Папин дом! Я должна спасти папин дом! И не допустить, чтобы он сгорел. Мы же его только построили, только покрыли лаком светлые досочки, и он переливался на солнце, словно игрушечный!.. – В Викином голосе зазвенели слезы.

– Не волнуйся так, прижимай скорее палец. Ты же знаешь, по какой причине сгорел дом?

– Да, конечно. Спасение дома ведь не изменит мою судьбу?

– Думаю, нет. Но – посмотрим, когда вернешься.

Она стояла около коричневых ступенек, еще пахнущих краской. Ей было немного страшно. Вот за дверью папа – он работает, сюда, наружу доносится ровный стук его печатной машинки. Папа – живой, дом – новый и красивый. Ей семь лет. Сердце защемило. Она отдышалась и шагнула вверх. Девочка аккуратно просунула голову в дверь. Папа... он сидел за столом, еще такой молодой, веселый... Вика любовалась, замерев.

– Малыш! – Отец, заметив ее, повернул голову и встал. – Уже вечерет, помнишь, что мы собирались сделать? – Он вытащил из машинки листы и положил их под низ стопки испитых страниц. – Или ты и пришла напомнить, что мы едем к Шаровым за картошкой? – А, Чучел? – Папа ласково взъерошил кудряшки дочурки своей огромной ладонью.

Вика смотрела на него во все глаза, стараясь впитать и запомнить каждый миг, проведенный с отцом, его голос, улыбку, теплый взгляд огромных карих глаз.

– Как же здесь все-таки красиво! – Завороженно повторила девочка фразу, произнесенную много лет назад в тот же самый день. Но сдержаться было невозможно – изнутри дом был еще милее, чем снаружи. В лучах вечернего солнца переливались лакированные доски, уютно смотрелась кровать в противоположном от входа углу, к большим светлым окнам был придвинут письменный стол, на нем письменная машинка, бумаги, горка шершней, которых папа сбивал узлом от резинки на лету, как и мух (Вике казалась непостижимым, каким образом это у него получается) ручки, карандаши, игра «пятнашки», кубик-рубик и... она – виновница пожара.

– Пойдем в машину. – Отец раскрыл дверь и махнул головой в сторону выхода. – Скоро уже сумерки.

– Паяльная лампа! – Воскликнула девочка. – Папа, ее нельзя оставлять на столе! Может загореться дом! – Она смотрела на отца с ужасом и мольбой. Ей не забыть было те огромные языки пламени, которые не удалось залить им вместе с прибежавшими соседями.

Отец шагнул в комнату – лампа была раскаленной.

– Как я забыл про нее?!... – Растерянно проговорил он. – Ты моя умница! Как же ты заметила? – Он прижал девочку к себе. – Потушим лампу и поедем. И, взяв первопричину возгорания в руку, отец вышел из дома.

Погасив лампу, они поехали к Шаровым за картошкой. Когда вернулись, Вика первым делом побежала в папин дом – он был цел, невредим и бликовал лишь в отблесках закатного солнца. Она не стала возвращаться назад и осталась на ночь. Засыпая под храп дедушки и ворчание бабушки (папа лег в своем домике), она вдруг поняла, почему можно захотеть пожить еще в параллельной реальности, – там детство, радость, восторг от мелочей, там родные и любимые отец и дедушка живы, здоровы и рядом... или может быть что-то еще, не менее дорогое, что удержит надолго, несмотря на то, что заплатишь за это днями, месяцами, годами собственной жизни. Хотя... разве мы замечаем то время, которое тратим на работе или у телевизора? Тут главный вопрос – что ценнее и важнее именно для тебя.

Наутро после завтрака отец уехал в Москву. Еще раз обойдя в глубине сада домик, окруженный старыми яблонями, а затем осмотрев каждый угол внутри и убедившись в полнейшей

безопасности строения, Вика произнесла заветные слова. Через миг она вновь была в комнате со старинным убранством.

– Ты рада? – Спросил Старец.

– Очень! – С чувством произнесла Вика. – спасибо огромное!

– Тогда стирай горящий дом и рисуй новый, а рядом, на улице, – себя и отца, выносящего из дома паяльную лампу.

Вика взяла ластик и несколькими движениями со злостью стерла нарисованный дом в огне.

– А почему картина стала плоской и дом неподвижен? – Спросила вдруг она. – Почему языки пламени застыли?

– Ты вернулась в этот миг и изменила его. Пока ты не сделаешь новый рисунок словами «Это – моя судьба!» он будет словно поставлен на паузу. А если продолжишь двигаться вперед, ничего не меняя, он останется в прошлом таким, каким был в реальности.

Вика быстро чертила на карте.

– Не торопись так. – Засмеялся старец.

– Я боюсь не успеть.

– Ты уже все исправила, осталось только закрепить. Не нужно быть такой мнительной, это всю жизнь тебе мешало.

Вика оторвала взгляд от карты:

– Откуда Вы знаете, что было со мной всю жизнь?

– Рисуй скорее, вдруг не успеешь! – Расхохотался Старец, обнажая белоснежные ровные зубы.

Вика поставила последнюю черточку и вдруг фигуры на картине ожили – отец с дочкой погасили паяльник и поехали за картошкой на другой край деревни. Потом девочка долго оглядывала дом, ходила снаружи и внутри утром и вечером... Папа суетился около белой «Нивы».

– Это – моя судьба! – Воскликнула Вика с придыханием.

Старец показал пальцами значок «ОК», все уменьшая круг между указательным и большим.

– Раньше так документы в компьютере сохранялись. – Рассмеялась Вика. – Квадрат сжимался. Мне это даже нравилось.

Она взглянула на карту – недавно отстроенный домик стоял, сияя на солнце лакированными досками стен, белая «Нива» ехала по проселочной дороге, из-под ее колес разлетались клубы пыли. Все было хорошо.

– Маленькое счастье. – Прошептала она. Спасибо Вам огромное! Не знаю, как Вас благодарить.

– Мне это тоже в радость, поверь. – Улыбнулся Старец и его голубые глаза в лучистых морщинках засияли теплым светом. Он помолчал какое-то время, задумчиво глядя на девушку. – Где следующая остановка? Да, я не спросил самое главное – а чего ты хочешь в итоге? К чему прийти? И возможно есть человек где-то в будущем, которого ты потеряла, но хотела бы это исправить?

– Есть люди, о расставании с которыми я жалею... Папа...

– Сейчас мы дойдем до этого. Но я имею в виду мужчин, твои увлечения, влюбленности. Нам же нужно учитывать еще и это, чтобы взять правильный ориентир.

Вика вздохнула:

– Были, конечно, грустные моменты, неправильные поступки с моей стороны, но... это наверное прозвучит очень глупо... больше всего я жалею о расставании со случайным человеком, чьего имени даже не знаю. – Она поджала губы. – Но я помню его всю жизнь. Странно и нелепо – я ушла от него сама, а потом искала, вглядываясь в похожие лица. Тогда я была еще замужем, – продолжала она негромко, – но уже была несчастлива в браке – пыталась сохранить

полную семью ради сына, а по факту – портила ему детство и сама тратила свою молодость на человека, который меня просто не любил. Ну, не любил и все – это была данность, константа и ничего поделать было нельзя. Он и сына не очень любил наверное потому, что от меня... Вика спохватилась. – Так вот, мы накопили, заняли (жили мы довольно бедно) и купили машину. Я в то время работала с бывшим мужем вместе на другом конце Москвы, там же в гаражах стояла наша «Нива», из которой бывший муж с жившим в том же районе другом пытались сделать игрушку. Мне 25, мужу 24 – отголоски детства еще звенят в сердце и уме. – Вика улыбнулась и продолжила. – По вечерам после работы мы ездили украшать нашу машину, друг горделиво показывал, что сделал за день – шумоизоляция, пороги, обвесы... – Вика вздохнула и замолчала. – В тот день я поехала в районное ГИБДД получать документы на машину. Я торопилась. Был холодный апрель и я была одета в атласную куртку нежно-персикового цвета. Я добралась на автобусе и вышла на остановке – дальше он поворачивал, а мне нужно было прямо к метро «Преображенская площадь». В довершение к холоду и ветру пошел дождь, изморось усилилась, а транспорта на дороге не было. Я шагнула к проезжей части и подняла руку – тогда еще принято было «голосовать», останавливая попутные автомобили, это сейчас их заменили такси... Ко мне свернул первая же машина, я только успела прошептать «Обалдеть!» – это была новая модель «Митцубиси Паджеро» – черный и очень красивый внедорожник, я обратила внимание, потому что эта модель была тогда моей любимой и я даже мечтала о ней не могла. «На таких машинах не подвозят, потому что у их владельцев есть деньги» – мелькнула мысль, но в проеме опустившегося стекла уже улыбался симпатичный парень:

– Присаживайтесь.

– И Вы не спросите, куда мне нужно?

– У меня пока есть время, я подвезу.

Я залезла в машину... – Викин голос дрогнул. – Сказала, что мне надо в ГИБДД около метро «Преображенская площадь».

– Трудитесь там? – Спросил он.

– Нет, документы получить о постановке машины на учет и номера.

– Мне как раз по пути! – Радостно улыбнулся он. – Я работаю здесь, на Большой Черкизовской, в крупной государственной организации, а живу недалеко от ВДНХ. Еду домой на обед, здесь же недалеко. Недавно закончил университет, устроился в органы, работа очень интересная. Вот 20 лет исполнилось – родители подарили машину.

Он не хвастался, а просто рассказывал о себе. Я чувствовала, что понравилась ему как-то вмиг и всерьез... А я... Я слушала это и с сожалением думала: «Милый, симпатичный, умный и добрый парень! Зачем тебе я? На пять лет старше. Нищеводка, которая всю жизнь едва сводит концы с концами, закончила университет, когда ребенку было пять месяцев, а спустя четыре недели вышла на работу, потому что было не на что жить. И я замужем, хоть и без кольца. Мне приходилось столько стирать вручную при отсутствии стиральной машины, что под кольцом появилась аллергия. «Стиралку» купили, но подтверждение замужества я больше не надела на безымянный палец – поправились, пальцы уже не были такими хрупкими, как в юности, да и, что самое главное, – отношения с мужем становились все хуже. Замужем, с ребенком. А твои родители, судя по всему, в тебе души не чают и у них на тебя большие планы. Как ты меня к ним приведешь? Что они скажут? Разве меня они хотят видеть рядом с тобой? Мы из разных миров, милый, чудесный парень. К сожалению, я никогда тебе не подойду».

– Приехали. – Он остановил машину напротив отделения ГИБДД и, повернувшись, смотрел добрым ласковым взглядом выразительных серых глаз...

– Сколько я должна?

– Ну что Вы! Мне было просто приятно с Вами пообщаться.

– Спасибо. Мне тоже. – Искренне сказала я с долей сожаления. Некоторых людей нужно отпускать – они не более чем звезды, озаряющие светом твою судьбу.

– Ты не права. – Вмешался Старец.

– Почему?

– Ты же сама прекрасно знаешь, что ни расстояние, ни разница в социальном положении, ни мнение семьи не являются преградой для настоящих чувств.

– Я... не хотела обременять его своими проблемами. Счастливый парень из хорошей семьи.

– Наверное ты бы принесла в его жизнь еще больше счастья?

– Сомневаюсь... Я зашла в здание ГИБДД и, закрутившись в суете с получением документов, быстро забыла про этого молодого человека. К тому же тогда со мной достаточно часто знакомилась. Прошло часа два. Прождав в очередях и получив, наконец, заветный комплект документов, я вышла с территории и повернула по улице в направлении метро «Преображенская площадь» – идти было недалеко и нужно было уже спешить на работу, с которой отпросилась на утро, благо муж подменил. Неожиданно край глаза уловил, поймал какое-то странное движение – на противоположной стороне улицы отделился от тротуара и развернулся знакомый автомобиль. Через несколько секунд в проеме распахнутой передо мной двери я увидела его лицо. Тогда мне показалось это совпадением, которому я не придавала значения... Я села в машину. Он спросил, куда я сейчас направляюсь. Я ответила, что на работу в Бутово. Он ответил, что Бутово слишком далеко, обед закончился и туда он не сможет меня отвезти, как же быть... но сейчас решим. В этот момент он остановился на светофоре на перекрестке напротив метро. Неожиданно я сказала «Большое спасибо!» и вышла, направившись к метро, – как раз пешеходам горел зеленый свет. Он стоял во втором ряду и не смог бы припарковаться при всем желании – справа тоже был ряд машин, ожидающих разрешающего сигнала. Ступив на тротуар, я обернулась. У него были такие глаза... Я до сих пор не забуду этот взгляд – в нем были непонимание, боль, пустота и вопрос «Почему?! Почему ты так поступила?». С тяжелым сердцем я спустилась в метро. Думала – так же забудется, вылетит и головы, как в прошлый раз. А нет. Было ощущение, что я прошла мимо своей судьбы... На следующий день я плакала. Конечно, я могла найти его, дав сообщение на «Русском радио», которое играло у него в магнитоле. И что бы я ему сказала? Что я та идиотка, которая вылезла из его машины на втором ряду? И все те мысли, которые были до, никуда не делись... Я ему не подходила. И это было не изменить. Но... – Вика закрыла лицо руками. – Он остался занозой в моем сердце на всю жизнь...

– Хорошо, мы учтем его. – Улыбнулся Старец. – Теперь продолжаем идти вперед. Он снова наклонился над картой. – Ты наверное голодна? – Вдруг спохватился Старец.

– Не отказалась бы перекусить.

– Чего бы ты хотела?

– Салат «Цезарь» и большой кусок жареного мяса. И гранатовый сок. – Кстати, а почему я не хочу спать?

– Ты же выспалась, пока ребенком спасала отцовский домик.

Старец поднял ладонь вверх и на ней появилось большое расписное блюдо с настолько ароматным стейком, что девушка сглотнула слюнки, и салатом, возвышающимся рядом. Вика присела за небольшой резной столик из темного дерева, стул, на который она примостилась, тоже был с витыми ножками, сиденье было обито коричневым бархатом.

– Куда мы теперь? – Жадно уплетая куски сочного мяса, спросила она Старца.

– А что сейчас самое главное для тебя? Подумай. В хронологическом порядке. Смотри – нам важно оставить неизменными три, назовем так, позиции: твою маму, рождение и воспитание (кстати, вот тут вполне можно подкорректировать) именно этого ребенка...

– Согласна... – Горько выдохнула Вика. – Я слишком его избаловала, и сейчас с радостью изменила бы свою тактику в прошлом по отношению к сыну. Перелюбила. Я пыталась дать ему все то, чего не было у меня. Я мечтала об игрушечной машинке с педалями, в которой можно ездить, – на, пожалуйста, Дед Мороз принес. Я хотела, чтобы родители водили меня на курсы

и отдали в музыкальную школу, – получи бассейн, у-шу, дзю-до, футбол, музыкальную школу, фортепиано, две театральные студии... Я хотела быть хорошей матерью, но перестаралась...

– Ему сейчас 14?

– Откуда Вы все знаете? Да. И с ним очень тяжело. Никогда не думала, что переходный возраст – это так сложно. Мой идеальный до 11 лет, добрый, умный, понимающий сын, в 11 лет и две недели убрал все игрушки в ящик и заявил, что они ему больше не нужны, потому что теперь он взрослый. И это была правда. Вот так, резко. И мгновенно стал чужим человеком, мальчиком, который сам по себе. Я не была к этому готова... Да и сейчас еще не очень привыкла. Огромный минус подросткового возраста в том, что у них бушуют гормоны, затуманивая разум, и они не знают, что делать с этим. То есть влияние гормонов, острота восприятия – все это сильнее их человеческих качеств – ума, доброты, к примеру... – Мясо, порезанное на кусочки, остывало на Викиной тарелке, но она этого не замечала. – И взрослые не знают, что делать. Наверное, здорово было бы придумать для родителей курс, аналогичный подготовке к рождению малыша, – что-то наподобие правильного взаимодействия с подростком... Хотя бы, чтобы все остались живы и здоровы...

– Ты помнишь, что с тобой случилось? – Испуганно пробормотал Старец в свою белую бороду. – Не может быть! Я же стер из твоей памяти заключительные минуты!..

– Что? – Переспросила Вика, не расслышав.

Но Старец уже взял себя в руки и смотрел на нее прямым взглядом с улыбкой. – Кушай, говорю. Вкусное мясо?

– Сейчас-сейчас... – Мясо не убежит.

– Остынет.

– Не страшно.

– Или не так... – Продолжала девушка. – Сразу после проведения курсов о грудничках, нужно преподавать родителям курсы о воспитании ребенка в таком ключе, чтобы с ним было легко взаимодействовать в переходном возрасте и пережить этот период вместе – сплоченной семьей! Мне тут одна женщина на рынке – продавец детских книг, сказала, что главное – любить. А подростка – еще в миллион раз сильнее! Я стараюсь. Не баловать, но любить по максимуму и понимать! – Вика говорила горячо, эмоционально, ее глаза воодушевленно сияли.

Старец смотрел на нее с горечью.

– Что-то не так? – Спросила Вика.

– Все хорошо, мы постараемся... – Выдохнул он.

– Кстати, а что с реальностью, с моей настоящей жизнью?

Старец отвел на миг отвел помрачневший взгляд и вновь посмотрел на девушку с невозмутимым спокойствием. – Там все стабильно.

– Стабильно хорошо или стабильно плохо? Я не могу вспомнить заключительный вечер. Вот я еду с работы в метро, на автобусе, выхожу на остановке – темная улица, я направляюсь домой... Все. Больше ничего не помню.

– Мы обязательно дойдем до этого и я тебе все покажу. – Произнес Старец, скрывая вздох. Но! Нам сейчас нужно очень постараться, чтобы подкорректировать твое будущее, опираясь на те его пункты, которые не хотим менять, а именно: мама, этот ребенок...

– Почему Вы все время говорите «этот»?

– Да потому, что при внесении существенных корректировок твоя судьба может повернуть в совершенно другую сторону и у тебя могут быть другие дети с другими мужчинами. Ты же можешь создать отношения до встречи с будущим мужем.

– Точно! – Вика хлопнула себя по лбу. Я совершенно не подумала об этом!

– То есть тебе нужно родить от этого мужа этого ребенка. А третья позиция – наверное, этот парнишка, который ждал у отделения ГИБДД?

– Я его увижу снова?

– Ну, конечно! И нам нужно будет поступить по-другому в той ситуации. К примеру, как минимум не выходить из его машины.

– Но как я смогу? Я старше, замужем, с маленьким ребенком и намного беднее его семьи. Я ему не пара!

– Минус в том, дорогая моя, – выдохнул Старец, – что ты не стала за прошедшие с того события годы увереннее в себе и так и не научилась ценить себя и любить. Это тоже нужно проработать, то есть изменить твой характер так, чтобы ты научилась себе позволять делать то, что ты хочешь. И именно в данный конкретный момент твоего настоящего. Иначе ты снова выйдешь из его машины. – Он улыбнулся с горькой усмешкой. – А теперь кушай быстрее. Пора приниматься за дело.

Вика наспех дожевала остывшее мясо и подошла к листу с игрой.

– Поехали! – Скомандовал Старец.

И снова замелькали пейзажи и городские виды, начали сменяться времена года. Девочка росла. Вечерами, когда родители уходили из ее комнаты, она откидывала голову и смотрелась в зеркало шкафа, стоящего у ее кровати, – так ее волосы казались длиннее, ведь она так мечтала о длинных локонах. Однажды мама взяла ножницы (она довольно хорошо стригла всех знакомых, Вику и ее отца) и сказала, что дочери не идет ее стрижка «карэ», потому что у нее овальное длинное лицо.

– Стоп! – Закричала Вика. – Вот сюда. Мне здесь десять лет, пятый класс. Я не позволю себя стричь, потому что против! Я до двадцатидвухлетнего возраста так и ходила лысая... Потом еле доказала, что у меня почти идеальная форма лица и длинные волосы мне пойдут. Почему вообще кто-то может решать, какую прическу и одежду мне носить?

– Хорошо. Дальше будет еще одно поворотное событие. Или череда?

– Кажется, Вы уже однажды прожили со мной мою жизнь?

– Возможно. – Улыбнулся Старец. – Так вот – ты можешь там остаться и пройти все это подряд.

– Моя десятая весна... Через несколько дней в школе будет отбор в экспериментальный класс для одаренных детей. Я единственная из своего класса попаду туда, потому что напишу какое-то гениальное сочинение. Ха! Но самое удивительное – эта неуверенная в себе девочка, которая я, скажет потом однокласснице, что быть такого не может и ничем она не примечательна среди остальных, наверное она прошла конкурс просто потому, что ее папа и директор знакомы и даже на улице при встрече здороваются... Мне тогда не пришло в голову, что директор запомнил отца из-за того, что тот перевел меня из класса, где постоянно менялись учителя, в другой, а через пару месяцев, когда прежних одноклассников взяла «под крылышко» самая чудесная учительница в мире, Галина Викторовна – юная девочка только после института, но добрая и мудрая не по годам, попросил вернуть меня обратно. Хорошо помню тот день... она забрала меня из другого класса и мы подошли к двери, за которой находились мои одноклассники, с которыми я начинала учиться и уже дружила, и попросила подождать, затем скрылась в классе на несколько секунд, а потом распахнула дверь и пригласила меня войти. И... класс встал! Вы не представляете, чем для меня это было в мои 7 лет! Одноклассники приветствовали меня стоя. А организовала это та самая двадцатичетырехлетняя девочка, моя лучшая, пусть и не совсем первая учительница. Это был восторг, я запомнила этот миг уважения ко мне как один из лучших в моей жизни! – Вика смахнула слезы. – Я отвлеклась... И мне не пришло в голову, что я могла написать действительно выдающееся сочинение. Потом... через полгода не станет отца. Я хотела бы спасти его! – Горячо выкрикнула Вика.

– Понимаешь, в чем дело... – Задумчиво проговорил Старец. – Если твой отец будет жить, возможно у тебя будет совершенно другая жизнь и ты никогда не познакомишься с будущим мужем или просто не станешь с ним встречаться. И с тем парнем... Выйдешь замуж за

другого, и у тебя будет другая судьба. Хотя – это твой выбор. Может быть, так ты будешь счастливее.

– Я очень любила отца... – Начала Вика. Да что там любила – люблю. Я была его маленьким хвостиком, абсолютно папиной дочкой. В то время как он ездил на рабочие переговоры, я напрашивалась с ним и сидела по несколько часов в машине, ожидая и читая сказки. Когда папы не стало – мир рухнул, я приходила домой, ложилась на диван и часами плакала, глядя в потолок и на висящую под углом к стене огромную написанную отцом картину с изображением северной реки – он служил на флоте, а написал ее дома по памяти много лет спустя. Папина смерть наложила отпечаток на всю мою жизнь. Я до сих пор ее не пережила. Как-то, когда мне было наверное около двадцати, муж маминой подруги – умнейший человек, которого я бесконечно уважала, сказал маме, что отец нас бросил, нехорошо. А мама рассказала мне. Я тогда была наивной и впечатлительной и впитывала слова взрослых, как губка, считая их априори верными. После этого я обиделась на отца всем сердцем, и это было даже хуже, чем потерять его. Я считала папу предателем. Только сейчас, после тридцати лет, неожиданно пришло понимание, что он ушел не нарочно и что не все слова старших – беспрекословная истина. Не берегся, считая себя мужчиной и взваливая на себя лишнее, – да. Но он не хотел нас покидать, а надеялся дорастить меня хотя бы до восемнадцати. Знаете... – лицо девушки вдруг просветлело... в свой лет наверное шесть или семь я подготовила папе подарок на день рождения – с помощью мамы выучила его стихотворение. И вот долгожданный вечер – я вышла к стене, на которой у нас висела карта СССР, и начала эмоционально декламировать, конечно, смущаясь и нервничая, – подарок же. Неожиданно зазвонил городской телефон – у отца было столько знакомых по всей стране, что они звонили и через год после того, как его не стало, и просили его к телефону. Я расстроилась – вот папа сейчас скажет мне прервать чтение и пойдет разговаривать. Но тут произошло неожиданное – отец шепнул маме: «Подойди, скажи, чтобы подождали» и повернулся ко мне; «Малыш, продолжай». Это было потрясюще! Понимаете – не махнуть рукой на ребенка – ну что там, подождет, повторит, подумаешь, а проявить уважение и любовь к еще совсем небольшому человеку, показать, насколько отец ценит мои старания, как важно и дорого это чтение стихотворения для него. Меня маленькую тогда это поразило в самое сердце – большой взрослый дядя на другом конце телефонного провода будет терпеливо ждать, пока я медленно и с выражением дочитаю стихотворение. Эта дань уважения отца ко мне осталась одним из самых ярких и лучших моментов моей жизни.

Вика задумчиво замолчала, Старец грустно смотрел на нее.

– Давайте попробуем! – С мольбой посмотрела на него Вика. – Пожалуйста! А вдруг получится... Я хочу прожить с живым отцом максимально долго. Он хотел дорастить меня хотя бы до восемнадцати, а я предпочту до двадцати. А дальше будет видно – может быть, останусь там навсегда.

– Но ты же понимаешь, что эти годы и дни вычтутся из твоей будущей жизни.

– Понимаю, но они того стоят!

– Хорошо. Тогда прощаюсь с тобой на 10 лет. Буду наблюдать за тобой отсюда, можно сказать – сверху...

Вика с некоторым удивлением посмотрела на него...

– Единственный вопрос – я могу говорить там о том, кто я и что мне известно?

– А почему нет? Это альтернативная реальность, которая может стать настоящей или растаять, как дымка. Ты можешь говорить и делать все, что захочешь. Но у каждого твоего слова или поступка будет отражение здесь, – Старец показал на карту. – В будущем. Но ты же в любой момент можешь прийти сюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.